

ЧЕХОВСКИЙ ДИВЕРТИСМЕНТ

в 18 номерах

Составлено и пронумеровано Петровым

Действующие лица

Персонажи пьес А.П. Чехова, как написанных, так и не реализованных.

Петр, конферансье, молодой человек лет пятидесяти. Он во фраке, как и положено, ведущему, но и фрак, и он сам, какие-то облезлые, как Петр Сергеевич Трофимов.

Шарлота, ведущая, по совместительству фокусник и чревовещатель, вылитая Шарлотта Ивановна, она в старой фуражке и с ружьем.

Голос.

Таблица — Список номеров

№ п.п.	Название номера
1.	Серенада ангелов
2.	Поспели вишни
3.	Ах, зачем нет Чехова на свете!
4.	Потомки
5.	Фокусы
6.	Олоферн
7.	Грешница
8.	Северный полюс
9.	Бродячие музыканты
10.	Траурный марш
11.	Свадьба
12.	Лезгинка
13.	Если бы знать!
14.	Бокля
15.	Шакалы
16.	С вещами
17.	Тара... ра... бумбия
18.	Небо в алмазах

Отделение первое, оно же и последнее

Старый сад. На эстраде, наскоро сколоченной для театрализованного представления, собрались его участники. Кто-то варит варенье, напевая мелодию Чайковского, кто-то читает газету, кто-то спит. Со всех сторон доносятся разные звуки и шорохи, обрывки мелодий. Слышны звуки настраиваемого оркестра.

На авансцену выходят ведущие — Петр и Шарлотта, которые должны много импровизировать.

Петр. Доброго времени суток, дорогие друзья! Мы собрались здесь, чтобы посмотреть отрывки из бессмертных чеховских пьес и послушать замечательную музыку, которая их сопровождает... Вести наше театрализованное представление будут...

Шарлотта. Петр, который может говорить обо всем на свете: от планет до будущего человечества.

Петр. И очаровательнейшая Шарлотта, которая не только ведущая, но и фокусница, и еще, скажу по секрету, чревовещательница. Так что, сегодня вы многое увидите и услышите.

Шарлотта. И много, где побываете.

Петр. От Ялты до Северного полюса.

Шарлотта. Весь вечер с нами еврейский оркестр. Прошу!

Музыканты раскланиваются, играют туш.

Шарлотта. Антон Павлович Чехов принадлежит к писателям, в жизни и творчестве которых музыка занимает большое место, составляя их глубокую внутреннюю потребность. Музыка располагала Чехова к литературному творчеству. Антон Павлович любил слушать игру на рояле, виолончели, скрипке, любил пение.

Петр. Ни у одного русского писателя XIX века не представлено так богато и многозначительно музыкальное начало, как в произведениях Чехова. А французскому писателю Андре Моруа принадлежат слова: «Любая пьеса Чехова подобна музыкальному произведению». Прозаические и драматические произведения Чехова оказали влияние на многих композиторов, нашли свое воплощение в опере и балете, песенном творчестве.

Шарлотта. Готовясь к концерту, мы проштудировали множество научных источников. Надеюсь, их уважаемые авторы не будут на нас в обиде, если мы будем иногда их цитировать без ссылок.

№ 1. Серенада ангелов

Летний вечер. Дом в деревне, балкон, выходящий в сад.

Голос. Однажды после вечернего чая он сидел на балконе и читал. В гостиной в это время Таня — сопрано, одна из барышень — контральто и молодой человек на скрипке разучивали известную серенаду Брага. Коврин вслушивался в слова — они были русские — и никак не мог понять их смысла. Наконец, оставив книгу и вслушавшись внимательно, он понял: девушка, больная воображением, слышала ночью в саду какие-то таинственные звуки, до такой степени прекрасные и странные, что должна была признать их гармонией священной, которая нам, смертным, непонятна и потому обратно улетает в небеса.

Петр. Послушаем романс Гаэтано Брага «Серенада ангелов» в аранжировке Дм.Дм. Шостаковича из его не осуществленной оперы по повести Чехова «Черный монах». Этот романс взят Николаем Мартыновым в качестве посвящения к своей опере «Вишневый сад».

— Ах, что за звуки слышу я,
Сердце они пленяют
И на крыльях зефира к нам сюда
Как бы с небес долетают.
Выдь на балкон, прошу тебя!
Скажи, откуда звуки те идут?
— Здесь никого не вижу я,
Спи, мой друг, Бог с тобою!
Шепчут промеж себя листы,
Озарённые луною.
Верь, этот звук – обман воображенья,
Ты так больна. Мудрено ли?
— Нет! Нет!
Нет, то гармония священная,
Нам, смертным непонятна,
И в небеса, в небеса блаженные
Летит опять обратно,

Её постигла я душой!
 Покойной ночи, мама,
 Меня тот звук манит с собой!

Петр. Ах эти милые ангелы... Как будто говорят с тобой.

Шарлотта. Прекрасно. Ну, а дальше?

Петр. Как, то есть «ну, а дальше»? Последние, предсмертные слова Антона Чехова какие были? Он сказал: «Ихъ штербе», то есть «я умираю». А потом добавил: «Налейте мне шампанского». И уж тогда только — умер.

Гаев (*зевая*). Кого?

Голос. Миша, сыграй что-нибудь, а то плохо пишется...

№ 2 Пospели вишни

Ресторан средней руки.

Петр. Мейерхольд писал Чехову, как «Вишневый сад» слышится ему: «Ваша пьеса абстрактна, как симфония Чайковского».

Фирс. В прежнее время, лет сорок-пятьдесят назад, вишню сушили, мочили, мариновали, варенье варили, и, бывало...

Гаев. Помолчи, Фирс.

Фирс. И, бывало, сушеную вишню возами отправляли в Москву и в Харьков. Денег было! И сушеная вишня тогда была мягкая, сочная, сладкая, душистая... Способ тогда знали...

Любовь Андреевна. А где же теперь этот способ?

Фирс. Забыли. Никто не помнит.

Петр. По просьбе наших гостей из шестого ряда: «Пospели вишни в саду у дяди Вани».

Муз. и сл. Григория Гладкова-Лиханского

Пospели вишни в саду у дяди Вани,
 У дяди Вани пospели вишни!
 А дядя Ваня с тетей Груней нынче в бане,
 А мы с тобой погулять как будто вышли.

А ты, Григорий, не ругайся!

А ты, Петька, не кричи!
 А ты с кошелками не лезь поперед всех!
 Пospели вишни в саду у дяди Вани,
 А вместо вишен теперь веселый смех.

— Ребята, главное — спокойствие и тише...
 — А вдруг заметят? — Нет, не заметят.
 — А как заметят, так мы воздухом здесь дышим, —
 Сказал с кошелками соседский Петька.

А ты, Григорий, не ругайся!
 А ты, Петька, не кричи!
 А ты с кошелками не лезь поперед всех!
 Пospели вишни в саду у дяди Вани,
 А вместо вишен теперь веселый смех.

— А ну-ка, Петя, нагни скорее ветку...
 А он все вишни в рубаху сыпал.
 Но, видно, Петя, перегнул ты слишком ветку
 И вместе с вишнями в осадок выпал.

А ты, Григорий, не ругайся!
 А ты, Петька, не кричи!
 А ты с кошелками не лезь поперед всех!
 Пospели вишни в саду у дяди Вани,

А вместо вишен теперь веселый смех.
 Пусть дядя Ваня моет тетю Груню
 Солдатским мылом в колхозной бане.
 Мы скажем вместе: Спасибо, тетя Груня!
 И дядя Ваня, и дядя Ваня!

А ты, Григорий, не ругайся!
 А ты, Петька, не кричи!
 А ты с кошелками не лезь поперед всех!
 Пospели вишни в саду у дяди Вани,
 А вместо вишен теперь веселый смех.

Дуняша. Третьего дня Петр Сергеич приехали.

Аня (*радостно*). Петя!

Дуняша. В бане спят, там и живут. Боюсь, говорят, стеснить. *(Взглянув на свои карманные часы.)* Надо бы их разбудить, да Варвара Михайловна не велела. Ты, говорит, его не буди.

Петр. Исследование цитации чеховских заглавий позволяет перевести текст песни «Поспели вишни» из разряда шуточно-развлекательных в разряд текстов, где ставятся проблемы времени, бытия, места человека в мире. «Поспели вишни», таким образом, может быть прочитана как текст-симулякр элитарной культуры, построенный на диалоге с Чеховым. Этот диалог позволяет существенно откорректировать и рецепцию пьес Чехова в новейшее время, а в некоторой степени даже уточнить их проблематику, когда герои и ситуации чеховских драм переводятся в анекдотический план. Важным оказывается и то, что именно чеховские герои и ситуации становятся тем универсальными знаками, которые и спустя десятилетия позволяют лучше понять наше время.

Шарлотта. А в 2006 году даже пьеса появилась — «Поспели вишни в саду у дяди Вани».

Петр. В ресторанах Сочи и Магадана, Америки и Израиля, Германии и Франции песня про «Вишневый сад» входит в обязательный репертуар наряду с «Муркой», «Чубчиком» и «Сониными именинами».

№ 3. Ах, зачем нет Чехова на свете!

Забор у дома в Ялте.

Гаев. Вот железную дорогу построили, и стало удобно. *(Садится.)* Съездили в город и позавтракали... желтого в середину! Мне бы сначала пойти в дом, сыграть одну партию...

Любовь Андреевна. Успеешь.

Лопехин. Только одно слово! *(Умоляюще.)* Дайте же мне ответ!

Гаев *(зевая)*. Кого?

Любовь Андреевна *(глядит в свое портмоне)*. Вчера было много денег, а сегодня совсем мало. Бедная моя Варя из экономии кормит всех молочным супом, на кухне старикам дают один горох, а я трачу как-то бессмысленно... *(Уронила портмоне, рассыпала золотые.)* Ну, посыпались... *(Ей досадно.)*

Яша. Позвольте, я сейчас подберу. *(Собирает монеты.)*

Любовь Андреевна. И зачем я поехала завтракать... Дрянной ваш ресторан с музыкой, скатерти пахнут мылом... Зачем так много пить, Леня? Зачем так много есть? Зачем так много говорить? Сегодня в ресторане ты говорил опять много и все некстати. О семидесятых годах, о декадентах. И кому? Половым говорить о декадентах!

Петр. Саша Черный, хороший поэт, хоть и не декадент. «Ах, зачем нет Чехова на свете!».

Ах, зачем нет Чехова на свете!
 Сколько вздорных — пеших и верхом,
 С багажом готовых междометий
 Осаждало в Ялте милый дом...

День за днем толклись они, как крысы,
 Словно он был мировой боксер.
 Он шутил, смотрел на кипарисы
 И прищурясь слушал скучный вздор.

Я б тайком пришел к нему иначе:
 Если б жил он, — горькие мечты! —
 Подошел бы я к решетке дачи
 Посмотреть на милые черты.

А когда б он тихими шагами
 Подошел случайно вдруг ко мне -
 Я б, склонясь, закрыл лицо руками
 И исчез в вечерней тишине.

№ 4. Потомки

Столовая в доме

Трофимов. Человечество идет вперед, совершенствуя свои силы. Все, что недостижимо для него теперь, когда-нибудь станет близким, понятным, только вот надо работать, помогать всеми силами тем, кто ищет истину.

Андрей. Настоящее противно, но зато, когда я думаю о будущем, то как хорошо! Становится так легко, так просторно; и вдали забрезжит свет, я вижу свободу, я вижу, как я и дети мои становимся свободны от праздности, от квасу, от гуся с капустой, от сна после обеда, от подлого тунеядства...

Ферапонт. Две тысячи людей померзло будто. Народ, говорит, ужасался. Не то в Петербурге, не то в Москве — не упомяну.

Войницкий. Пошляческая философия.

Астров. Как? Да... Надо сознаться — становлюсь пошляком. Видишь, я и пьян. Обыкновенно я напиваюсь так один раз в месяц. Когда бываю в таком состоянии, то становлюсь нахальным и наглым до крайности. Мне тогда все нипочем! Я берусь за самые

трудные операции и делаю их прекрасно; я рисую самые широкие планы будущего; в это время я уже не кажусь себе чудачком и верю, что приношу человечеству громадную пользу...

громадную! И в это время у меня своя собственная философская система, и все вы, братцы, представляетесь мне такими букашками... микробами. *(Телегину.)* Вафля, играй!

Телегин. Дружочек, я рад бы для тебя всею душой, но пойми же, — в доме спят!

Астров. Играй!

Муз. Дм.Дм. Шостаковича,

сл. Саши Черного

Наши предки лезли в клетки
И шептались там не раз:
«Туго, братцы... видно, дети
Будут жить вольготней нас».

Дети выросли. И эти
Лезли в клетки в грозный час
И вздыхали: "Наши дети
Встретят солнце после нас".

Нынче так же, как вовеки,
Утешение одно:
Наши дети будут в Мекке,
Если нам не суждено.

Даже сроки предсказали:
Кто — лет двести, кто — пятьсот,
А пока лежи в печали
И мычи, как идиот.

Разукрашенные дули,
Мир умыт, причесан, мил...
Лет чрез двести? Черта в стуле!
Разве я Мафусаил?

Я, как филин, на обломках

Переломанных богов.
В неродившихся потомках
Нет мне братьев и врагов.

Я хочу немножко света
Для себя, пока я жив,
От портного до поэта —
Всем понятен мой призыв...

А потомки... Пусть потомки,
Исполняя жребий свой
И кляня свои потемки,
Лупят в стенку головой!

№ 5. Фокусы

Большая зала в барском доме.

Петр. Но хватит о грустном, не за смертную тоску же заплатила наша уважаемая публика.

Шарлотта Ивановна, покажите фокус!

Любовь Андреевна. Шарлотта, покажите фокус!

Шарлотта (*подает Пищичу колоду карт*). Вот вам колода карт, задумайте какую-нибудь одну карту.

Пищик. Задумал.

Шарлотта. Тасуйте теперь колоду. Очень хорошо. Дайте сюда, о мой милый господин Пищик. Ein, zwei, drei! Теперь поищите, она у вас в боковом кармане...

Пищик (*достает из бокового кармана карту*). Восьмерка пик, совершенно верно! (*Удивляясь.*) Вы подумайте!

Шарлотта (*держит на ладони колоду карт, Трофимову*). Говорите скорее, какая карта сверху?

Трофимов. Что ж? Ну, дама пик.

Шарлотта. Есть! (*Пищичу.*) Ну? Какая карта сверху?

Пищик. Туз червовый.

Шарлотта. Есть!.. (*Бьет по ладони, колода карт исчезает.*)

Шарлотта. Прошу внимания, еще один фокус. (*Берет со стула плед.*) Вот очень хороший плед, я желаю продавать... (*Встряхивает.*) Не желает ли кто покупать?

Пищик (*удивляясь*). Вы подумайте! Шарлотта. Ein, zwei, drei! (*Быстро поднимает опущенный плед.*)

За пледом стоит Аня; она делает реверанс, бежит к матери, обнимает ее и убегает назад в залу при общем восторге.

Любовь Андреевна (*аплодирует*). Браво, браво!..

Шарлотта. Теперь еще! Ein, zwei, drei!

Поднимает плед; за пледом стоит Варя и кланяется.

Пищик (*удивляясь*). Вы подумайте! Очаровательнейшая Шарлотта Ивановна... я просто влюблен...

Шарлотта. Влюблен? (*Пожав плечами.*) Разве вы можете любить? Guter Mensch, aber schlechter Musikant.

Петр. Хороший человек, но плохой музыкант. (*Хлопает Пищика по плечу*). Лошадь вы такая...

Все смеются.

№ 6. Олоферн

Площадь в осажденном городе.

Петр. Смеетесь?.. А ведь профессия конференсье одна из самых опасных, доложу я вам. Вспомните незавидную судьбу моего коллеги Бенгальского, которому на рабочем месте, прямо на сцене оторвали голову... Да, насчет головы у Антона Павловича тоже были свои соображения. «Давайте напишем трагедию "Олоферн", — говорил Чехов Суворину, — на мотив оперы "Юдифь", где заставим Юдифь влюбиться в Олоферна...».

Шарлотта. Ну мы-то с вами знаем, чем такая безумная любовь заканчивается — эти, так сказать, олоферны оказывается без головы...

Петр. Александр Серов. Увертюра и сцена из оперы «Юдифь», действие которой происходит в XVI веке до Р.Х. Детей и беременных просим покинуть зал.

Юдифь (*с головой Олоферна в руке входит и становится на парапет стены в глубине театра*).

Вот голова Олоферна!
 Вот он, могучий воитель,
 Вот он, владыка вселенной,
 Вот он, Израиля страх!

Народ (*столпившись около Юдифи*).

Вот голова Олоферна! вот он — глядите, глядите!
 (*С силою, руки к небу*).

Внял Ты сынам своим, Боже!
 Нашим мольбам и слезам!

Юдифь (*торжественно*).

Возденье вы эту главу на копье,
 Врагам покажите со стен вы ее:
 В смятеньи и страхе они побегут!

Оазие и воины.

Возденем его мы главу на копье,
 Со стен городских мы покажем ее:
 В смятеньи и страхе враги побегут!

Оазия и воины уходят, унося голову Олоферна.

Народ (*в ликованиях окружая Юдифь, целуя края одежды её и сопутствуя ей со светильниками до авансцены*).

Спасенье! спасенье!
 Господу слава!
 Слава Юдифи,
 Небом избранной!
 Слава деснице,
 Спасшей народ!

Шарлотта. Опера была впервые дана в мае 1863 года, в чудный весенний вечер. Петр Ильич Чайковский говорил: «И вот наслаждение, доставляемое мне музыкой “Юдифи”, всегда сливается с каким-то неопределенным весенним ощущением тепла, света, возрождения!».

№ 7. Грешница

Иерусалим. Богатый дом и площадь перед ним.

Петр. Но мы-то с вами знаем, что истинный свет — это Христос, а настоящее возрождение приходит только с Ним.

Шарлотта. Алексей Николаевич Толстой. Музыкально-эротическая композиция «Грешница». Стихотворение читает начальник почтовой станции, участвует вся труппа.

Фирс. Прежде у нас на балах танцевали генералы, бароны, адмиралы, а теперь посылаем за почтовым чиновником и начальником станции, да и те не в охотку идут.

I

Народ кипит, веселье, хохот,
Звон лютней и кимвалов грохот,
Кругом и зелень, и цветы,
И меж столбов, у входа дома,
Парчи тяжелой переломы
Тесьмой узорной подняты;
Чертоги убраны богато,
Везде горит хрусталь и золото,
Возниц и коней полон двор;
Теснясь за трапезой великой,
Гостей пирует шумный хор,
Идет, сливаясь с музыкой,
Их перекрестный разговор.

Ничем беседа не стеснима,
Они свободно говорят
О ненавистном иге Рима,
О том, как властвует Пилат,
О их старшин собранье тайном,
Торговле, мире, и войне,
И муже том необычайном,
Что появился в их стране.

...

VI

...

И вдруг в тиши раздался звон
Из рук упавшего фиала...
Стесненной груди слышен стон,

Бледнеет грешница молодая,
 Дрожат открытые уста,
 И пала ниц она, рыдая,
 Перед святынею Христа.

№ 8. Северный полюс

Северный полюс, а возможно, и Южный.

Шарлотта. Кроме «Олоферна» у Чехова были и другие не реализованные драматургические замыслы. Об одном из них рассказывает в своих воспоминаниях Константин Сергеевич Станиславский.

Голос. Здоровье Чехова было очень плохо. Собирались везти его за границу. Но как раз накануне случился какой-то припадок, пошла горлом кровь. И не знали, удастся ли поехать или нет. Тяжело было смотреть на Чехова. Но сам Чехов как будто не отдавал себе отчета в своем положении, говорил о планах на будущее. Между прочим, он рассказал мне в этот день канву своей будущей пьесы... Муж и его друг влюблены в одну и ту же женщину. Происходит целая трагедия, перипетии которой были еще неясны тогда и самому автору. Кончается трагедия тем, что сначала муж, а затем и его друг решаются отправиться в далекую экспедицию. Последний акт пьесы должен был происходить, по замыслу Чехова, на Северном полюсе. Чехову рисовался затертый льдами корабль, на котором стоят оба героя, муж и друг, смотрят в далекое пространство и оба видят, как проносится тень любимой ими обоими женщины. Так рассказывал Антон Павлович о своей будущей пьесе. И было мучительно больно слушать этот рассказ потому, что все время неотвязно преследовала мысль, что пьесе не суждено быть написанной, уже скупо отмерены дни Чехова...

Петр. Еще скупер были отмерены дни Владимира Семеновича Высоцкого, блистательно сыгравшего фон Корена в чеховской «Дуэли» и Лопехина в «Вишневом саде»... Тема Севера неизменно привлекала Высоцкого. Давайте послушаем его балладу «Белое

безмолвие» о путешествии к таинственной Земле Санникова в Северном Ледовитом океане.

Все года, и века, и эпохи подряд
Всё стремится к теплу от морозов и вьюг.
Почему ж эти птицы на север летят,
Если птицам положено только на юг?

Слава им не нужна и величие,
Вот под крыльями кончится лёд —
И найдут они счастье птичье
Как награду за дерзкий полёт!

Что же нам не жилось, что же нам не спалось?
Что нас выгнало в путь по высокой волне?
Нам сиянья пока наблюдать не пришлось,
Это редко бывает — сиянья в цене!

Тишина... Только чайки — как молнии,
Пустотой мы их кормим из рук.
Но наградой нам за безмолвие
Обязательно будет звук!

Как давно снятся нам только белые сны,
Все иные оттенки снега занесли,
Мы ослепли давно от такой белизны,
Но прозреем от чёрной полоски земли.

Наше горло отпустит молчание,
Наша слабость растает как тень.
И наградой за ночи отчаянья
Будет вечный полярный день!

Север, воля, надежда. Страна без границ.
Снег без грязи — как долгая жизнь без вранья.
Вороньё нам не выключает глаз из глазниц,
Потому что не водится здесь воронья.

Кто не верил в дурные пророчества,
В снег не лёг ни на миг отдохнуть,
Тем наградой за одиночество

Должен встретиться кто-нибудь!

№ 9. Бродячие музыканты

Сад, березы и клен.

Петр. Вернемся с далеких северов в наши относительно теплые края. Представьте себе сад в мае, уже тепло, можно окна держать настежь, но березы еще не распускались...

Шарлотта. А какая сегодня хорошая погода!

Ей отвечает таинственный женский голос, точно из-под пола: «О да, погода великолепная, сударыня».

Вы такой хороший мой идеал...

Голос: "Вы сударыня, мне тоже очень понравился".

Начальник станции (*аплодирует*). Госпожа чревоушательница, браво!

Петр. Душа поет... а вот и музыканты.

Бродячие музыканты, мужчина и девушка, играют на скрипке и арфе Фантазию Сен-Санса; из дому выходят Вершинин, Ольга и Анфиса и с минуту слушают молча; подходит Ирина.

Ольга. Наш сад, как проходной двор, через него и ходят, и ездят. Няня, дай этим музыкантам что-нибудь!..

Анфиса (*подаёт музыкантам*). Уходите с богом, сердечные. (*Музыканты кланяются и уходят.*) Горький народ. От сытости не заиграешь. (*Ирине.*) Здравствуй, Ариша! (*Целует ее.*) И-и, деточка, вот живу! Вот живу! В гимназии на казенной квартире, золотая, вместе с Олюшкой — определил господь на старости лет. Отродясь я, грешница, так не жила... Квартира большая, казенная, и мне цельная комнатка и кроватка. Все казенное. Проснусь ночью и — о, Господи, Матерь Божия, счастливей меня человека нету!

Вершинин (*взглянув на часы*). Сейчас уходим, Ольга Сергеевна. Мне пора.

Шарлотта. Вы прослушали вступление к Фантазии Сен-Санса для арфы и скрипки. Чехов ценил музыку Сен-Санса и, хотя, это произведение написано в 1907 году, уже после кончины Антона Павловича, его первые такты поразительно напоминают написанную в 1896 году неоконченного Второго струнного квартета Рахманинова, певца русской души и чеховского знакомого.

Петр. Наперекор знакам и ловушкам судьбы Сен-Санс прожил долгую, наполненную и счастливую жизнь. И его музыка – тоже наперекор всему. Так и арфово-скрипичная Фантазия — наперекор разломам и шквалам наступившего нового времени — смертоносного XX века.

Под куполом неба на облаке
Мраморном
Скрипка и арфа беседу вели...
Их звуки порхали и удивляли,
И восхищали во имя любви!

№ 10. Траурный марш

Маленькая комната

Голос. Надо спать. Над моей головой идет пляс. Играет оркестр. Свадьба. В бельэтаже живет кухмистер, отдающий помещение под свадьбы и поминки. В обед поминки, ночью свадьба... Смерть и зачатие... Кто-то, стуча ногами, как лошадь, пробежал сейчас как раз над моей головой... Должно быть, шафер. Оркестр гремит... Ну чего ради? Чему обрадовались сдуру? Жениху «...» такая музыка должна быть приятна, мне же, немощному, она помешает спать.

Петр (*напевает*).

И дочь-невеста вся в прыщах —
Дозрела, значит.
Смотрины, стало быть, у них —
На сто рублей гостей одних,
И даже тощенький жених
Поёт и скачет.

Ольга. Отец умер ровно год назад, как раз в этот день, пятого мая, в твои именины, Ирина. Было очень холодно, тогда шел снег. Мне казалось, я не переживу, ты лежала в обмороке, как мертвая. Но вот прошел год, и мы вспоминаем об этом легко, ты уже в белом платье, лицо твое сияет. (*Часы бьют двенадцать.*) И тогда также били часы.

Пауза.

Помню, когда отца несли, то играла музыка, на кладбище стреляли. Он был генерал, командовал бригадой, между тем народу шло мало. Впрочем, был дождь тогда. Сильный дождь и снег.

Петр. 15 июля 1904 года в Баденвайлере скончался Антон Павлович Чехов, величайший новатор в драме. 18 октября 1904 года в Кельне состоялась премьера Пятой симфонии Густава Малера, величайшего новатора в симфонической музыке, одногодка Чехова.

Шарлотта. Густав Малер, Пятая симфония. Траурный марш.

№ 11. Свадьба

Одна из зал кухмистера Андропова.

Петр. А теперь, как и обещали, в обед поминки — ночью свадьба.

Шарлотта. Прямо как «утром — деньги, вечером — стулья».

Петр. А ты знаешь, что в «Золотом теленке» упоминается та самая «Серенада ангелов» Брага, которой мы открывали этот концерт? А водевиль Ильфа и Петрова «Сильные чувства» — вариант чеховской «Свадьбы», на которую мы и приглашаем наших зрителей.

Ять (Змеюкиной). Сжальтесь! Сжальтесь, очаровательная Анна Мартыновна!

Змеюкина. Ах, какой вы... Я уже вам сказала, что я сегодня не в голосе.

Ять. Умоляю вас, спойте! Одну только ноту! Сжальтесь! Одну только ноту!

Змеюкина. Надоели... (Садится и машет веером.)

Ять. Нет, вы просто безжалостны! У такого жестокого создания, позвольте вам выразиться, и такой чудный, чудный голос! С таким голосом, извините за выражение, не акушерством заниматься, а концерты петь в публичных собраниях! Например, как божественно выходит у вас вот эта фиоритура... вот эта... *(Напеваает.)* «Я вас любил, любовь еще напрасно...» Чудно!

Змеюкина *(напеваает)*. "Я вас любил, любовь еще, быть может..." Это?

Ять. Вот это самое! Чудно!

Змеюкина. Нет, я не в голосе сегодня. Нате, махайте на меня веером... Жарко! *(Апломбову.)* Эпаминонд Максимыч, что это вы в меланхолии? Разве жениху можно так? Как вам не стыдно, противный? Ну, о чем вы задумались?

Апломбов. Женитьба шаг серьезный! Надо все обдумать всесторонне, обстоятельно.

Змеюкина. Какие вы все противные скептики! Возле вас я задыхаюсь... Дайте мне атмосферы! Слышите? Дайте мне атмосферы! *(Напевает.)*

Ять. Чудно! Чудно!

Змеюкина. Махайте на меня, махайте, а то я чувствую, у меня сейчас будет разрыв сердца. Скажите, пожалуйста, отчего мне так душно?

Ять. Это оттого, что вы вспотели-с...

Змеюкина. Фуй, как вы вульгарны! Не смейте так выражаться!

Ять. Виноват! Конечно, вы привыкли, извините за выражение, к аристократическому обществу и...

Змеюкина. Ах, оставьте меня в покое! Дайте мне поэзии, восторгов! Махайте, махайте...

На экране кадры из фильма Исидора Анненского «Свадьба» (1944 год)

СКАЖИ ЗАЧЕМ?

Муз. и сл. С. Давыдов

Мне крест тяжелого страданья
В замену счастья должно несть!
Не плачь, не плачь, мой друг, твои рыданья
Душа не в силах перенести!

Скажи, зачем тебя я встретил?
Зачем тебя я полюбил?
Зачем твой взор улыбкой мне ответил
И счастье в жизни подарил?

Тебя отнимут у меня,
Я не твоя, я не твоя,
Тебя отнимут у меня:
Я — не твоя...
Ты не моя!

Не видеть мне твоих лобзаний,
Не слышать мне твоих речей,
Не разделять с тобой твоих страданий
И тихой радости твоей.

Тебя не вырвут у меня,

Навек ты мой, а я твоя!
 Тебя не вырвут у меня:
 Навек ты мой!
 А ты — моя!

№ 12. Лезгинка

Большая зала барского дома

Петр. Какая традиционная свадьба без кадрили? Шарлотта Ивановна, разрешите пригласить?

Шафер. Гран-рон, силь-ву-пле.

Музыканты начинают играть лезгинку, слышатся выстрелы.

Гости пускаются в пляс.

Шафер. Господа, так нельзя, это вам кадрили, а не лезгинка!

Звучит русская кадрили. Все танцуют.

№ 13. Если бы знать!

Терраса, выходящая на еловую аллею старого сада.

Кадрили переходит в марш.

Три сестры стоят, прижавшись друг к другу.

Маша. О, как играет музыка! Они уходят от нас, один ушел совсем, совсем навсегда, мы останемся одни, чтобы начать нашу жизнь снова. Надо жить... Надо жить...

Ирина (*кладет голову на грудь Ольге*). Придет время, все узнают, зачем все это, для чего эти страдания, никаких не будет тайн, а пока надо жить... надо работать, только работать! Завтра я поеду одна, буду учить в школе и всю свою жизнь отдам тем, кому она, быть может, нужна. Теперь осень, скоро придет зима, засыплет снегом, а я буду работать, буду работать...

Ольга (*обнимает обеих сестер*). Музыка играет так весело, бодро, и хочется жить! О, боже мой! Пройдет время, и мы уйдем навеки, нас забудут, забудут наши лица, голоса и сколько нас было, но страдания наши перейдут в радость для тех, кто будет жить после нас, счастье и мир настанут на земле, и помянут добрым словом и благословят тех, кто живет теперь. О, милые сестры, жизнь наша еще не кончена. Будем жить! Музыка играет так весело, так радостно, и, кажется, еще немного, и мы узнаем, зачем мы живем, зачем страдаем... Если бы знать, если бы знать!

Марш.

№ 14. Бокля

Старая скамья на заброшенном кладбище

Епиходов. Собственно говоря, не касаясь других предметов, я должен выразиться о себе, между прочим, что судьба относится ко мне без сожаления, как буря к небольшому кораблю. Если, допустим, я ошибаюсь, тогда зачем же сегодня утром я просыпаюсь, к примеру сказать, гляжу, а у меня на груди страшной величины паук... Вот такой. (*Показывает обеими руками.*) И тоже квасу возьмешь, чтобы напиться, а там, глядишь, что-нибудь в высшей степени неприличное, вроде таракана.

Пауза.

(*В зал.*) Вы читали Бокля?

Петр. Немногим книгам выпадает судьба, подобная той, что выпала на долю книги англичанина Генри Томаса Бокля «История цивилизации в Англии».

Шарлотта. Говоря современным языком, она стала бестселлером, была переведена на многие европейские языки, не раз переиздана. Особенный интерес книга вызвала в России, где также выдержала свыше десятка изданий.

Голос. Прилагая к истории человека те методы исследования, которые оказались успешными в других отраслях знания, и отвергая се а priori составленные мнения, не выдерживающие проверки по этим методам, мы пришли к известным результатам, из которых главнейшие бесполезно здесь перечислить. Мы видели, что действия наши, представляя не более как результат внутренних и внешних явлений, могут быть объяснены только законами этих влияний, т. е. духовными и физическими законами. Мы видели также, что в Европе духовные законы сильнее физических и что с успехами

цивилизации перевес этот постоянно увеличивается, потому что возрастающее знание увеличивает силы духа, между тем как силы природы остаются неизменными. Поэтому мы признавали духовные законы главными двигателями прогресса, а на физические смотрели, как на законы второстепенные, действие которых проявляется только в случайных отклонениях от правильности движения и уже издавна становилось слабее и реже, а в настоящее время в большей части случаев не имеет никакого значения.

№ 15. Шакалы

Все то же заброшенное кладбище

Епиходов (*играет на гитаре и поет*). «Что мне до шумного света, что мне друзья и враги...» Как приятно играть на мандолине!

Дуняша. Это гитара, а не мандолина. (*Глядится в зеркальце и пудрится.*)

Епиходов. Для безумца, который влюблен, это мандолина... (*Напевает.*)

Яша подпевает.

СПРЯТАЛСЯ МЕСЯЦ ЗА ТУЧКУ

Муз. и сл. В.П. Чувский

Спрятался месяц за тучку,
Больше не хочет гулять.
Дай же ты мне свою ручку
К пылкому сердцу прижать.

Что нам до шумного света,
Что нам друзья и враги;
Было бы сердце согрето
Жаром взаимной любви.

Когда ты с другими бываешь,
Я взором слежу за тобой,
Жалею, зачем ты с другими,

Зачем ты опять не со мной.

Когда ты со мною бываешь,
Я мало с тобой говорю,
Но ты и без слов понимаешь,
Как страстно тебя я люблю.

Когда ты в раздумье глубоком,
Любуюсь твоей красотой,
Мечтаю о счастье далеком;
Быть может, любим я тобой.

Шарлотта. Ужасно поют эти люди... фуй! Как шакалы.

№ 16. С вещами

Детская в барском доме.

Любовь Андреевна. Да. Нервы мои лучше, это правда.

Ей подают шляпу и пальто.

Я сплю хорошо. Выносите мои вещи, Яша. Пора. *(Ане.)* Девочка моя, скоро мы увидимся... Я уезжаю в Париж, буду жить там на те деньги, которые прислала твоя ярославская бабушка на покупку имения -- да здравствует бабушка! -- а денег этих хватит ненадолго.

Аня. Ты, мама, вернешься скоро, скоро... не правда ли? Я подготовлюсь, выдержу экзамен в гимназии и потом буду работать, тебе помогать. Мы, мама, будем вместе читать разные книги... Не правда ли? *(Целует матери руки.)* Мы будем читать в осенние вечера, прочтем много книг, и перед нами откроется новый, чудесный мир... *(Мечтает.)* Мама, приезжай...

Любовь Андреевна. Приеду, мое золото. *(Обнимает дочь.)*

Входит Лопахин. Шарлотта тихо напевает песенку.

Гаев. Счастливая Шарлотта: поет!

Шарлотта *(берет узел, похожий на свернутого ребенка).* Мой ребеночек, бай, бай...

Слышится плач ребенка: «Уа, уа!..»

Замолчи, мой хороший, мой милый мальчик.

«Уа!.. уа!..»

Мне тебя так жалко! (*Бросает узел на место.*) Так вы, пожалуйста, найдите мне место. Я не могу так.

Лопехин. Найдём, Шарлотта Ивановна, не беспокойтесь.

№ 17. Тара... ра... бумбия

Подобие ринга.

Петр (завывает на манер ринг-анонсера). И наконец-ц-ц. Главный номер и гвоздь нашей программы. И-и-в-а-а-н Чебуты-ы-к-и-и-н. Военный доктор, шестьдесят лет, два года не был в запое, не прочел ни одной книги.

Шарлотта обходит сцену с табличкой, на которой указано «17».

Чебутыкин в свете софитов проходит через весь зал к сцене, поднимается на нее.

Чебутыкин (*тихо напевает*). Тара... ра... бумбия... сижу на тумбе я... (*Читает газету.*)
Все равно! Все равно!

№ 18. Небо в алмазах

Пустая сцена

Войницкий (*пишет*), «2-го февраля масла постного 20 фунтов... 16-го февраля опять масла постного 20 фунтов... Гречневой крупы...».

Пауза. Слышны бубенчики.

Марина. Уехал.

Пауза.

Соня (*возвращается, ставит свечу на стол*). Уехал...

Войницкий (*сосчитал на счетах и записывает*). Итого... пятнадцать... двадцать пять...

Соня садится и пишет.

Марина (*зевает*). Ох, грехи наши...

Телегин входит на цыпочках, садится у двери и тихо настраивает гитару.

Войницкий (*Соне, проведя рукой по ее волосам*). Дитя мое, как мне тяжело! О, если б ты знала, как мне тяжело!

Соня. Что же делать, надо жить!

Пауза.

Мы, дядя Ваня, будем жить. Проживем длинный, длинный ряд дней, долгих вечеров; будем терпеливо сносить испытания, какие пошлет нам судьба; будем трудиться для других и теперь, и в старости, не зная покоя, а когда наступит наш час, мы покорно умрем, и там за гробом мы скажем, что мы страдали, что мы плакали, что нам было горько, и бог сжадется над нами, и мы с тобою, дядя, милый дядя, увидим жизнь светлую, прекрасную, изящную, мы обрадуемся и на теперешние наши несчастья оглянемся с умилением, с улыбкой - и отдохнем. Я верую, дядя, верую горячо, страстно... (*Становится перед ним на колени и кладет голову на его руки; утомленным голосом.*) Мы отдохнем!

Телегин тихо играет на гитаре.

Мы отдохнем! Мы услышим ангелов, мы увидим все небо в алмазах, мы увидим, как все зло земное, все наши страдания потонут в милосердии, которое наполнит собою весь мир, и наша жизнь станет тихою, нежною, сладкою, как ласка. Я верую, верую... (*Вытирает ему платком слезы*). Бедный, бедный дядя Ваня, ты плачешь... (*Сквозь слезы.*) Ты не знал в своей жизни радостей, но погоди, дядя Ваня, погоди... Мы отдохнем... (*Обнимает его.*) Мы отдохнем!

Стучит сторож. Телегин тихо наигрывает; Мария Васильевна пишет на полях брошюры; Марина вяжет чулок.

Мы отдохнем!

Занавес медленно опускается.

З А Н А В Е С

Петр. Романс «Мы отдохнем». Музыка Сергея Владимировича Рахманинова, слова Антона Павловича Чехова.

Мы отдохнем!
Мы услышим ангелов,
мы увидим все небо в алмазах,
мы увидим, как все зло земное,
все наши страдания потонут в
милосердии,
которое наполнит собою весь мир,
и наша жизнь станет тихой,
нежною, сладкою, как ласка.
Я верую, верую...
Мы отдохнем...
Мы отдохнем...